

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 323 + 338

Код ГРНТИ 23.53

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-71-82

**Л.В. ЗАХАРОВА,
К.В. АСМОЛОВ***

КНДР в годы правления Ким Чен Ына: основные итоги первого десятилетия (2012–2021)

В статье рассматриваются основные тенденции и результаты политического, военного и экономического развития КНДР в первое десятилетие нахождения у власти молодого лидера Ким Чен Ына. Показано, что система управления государством и партией была постепенно реформирована под нового руководителя, власть которого по сравнению с предшественниками не ослабла. Несмотря на отсутствие гласности, перестройка северокорейской административной системы шла и была направлена на повышение качества государственного и партийного аппарата. Рассмотрены результаты прогресса страны в ракетно-ядерной области. С учётом развития средств доставки ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи прошёл минимальный уровень сдерживания потенциальных противников и стремится к надёжному: вероятность успешного ответного удара не только по территории союзников Америки, но и по континентальной территории США существенно возросла. Выделены основные направления усиления международных позиций КНДР в указанный период, а также сохраняющиеся проблемы для урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова.

Проанализированы основные направления экономической политики Ким Чен Ына и ключевые вызовы экономическому развитию страны. Попытка добиться модернизации экономики и встать на путь устойчивого роста за счёт расширения внешнеэкономических связей была сорвана международными санкциями. «Квазирыночные» реформы, начавшиеся с первых лет пребывания Ким Чен Ына у власти и тесно связанные с внешнеторговым обменом, стали буксовать, а в условиях дефицита внутренних ресурсов государство усилило административный контроль за их распределением.

Сделан вывод о том, что базовые цели всех основных государственных подсистем КНДР (военной, политической, экономической) подчинены задаче поддержания стабильности действующей системы управления страной, поскольку именно в этом руководству видится залог физического выживания государства.

* **Захарова Людмила Владимировна** — кандидат экономических наук, учёный секретарь Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСА РАН, руководитель проекта «КНДР “эпохи Ким Чен Ына” в меняющемся региональном порядке в Азии и российские национальные интересы» (20-014-00020).
E-mail: zakharova@iccaras.ru

Асмолов Константин Валерианович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСА РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: asmolov@iccaras.ru

Ключевые слова: Северная Корея, КНДР, Ким Чен Ын, внутренняя политика КНДР, экономика КНДР, ракетно-ядерная программа КНДР, санкции, внешняя политика КНДР

После смерти лидера КНДР Ким Чен Ира в декабре 2011 г. и прихода к власти его сына Ким Чен Ына в экспертных кругах некоторых стран (прежде всего западных) звучали прогнозы о грядущей нестабильности и скором коллапсе «северокорейского режима». Однако все они не сбылись, а страна продолжала существовать и развиваться согласно представлениям её нового руководителя.

Для решения поставленных в проекте задач был применён системный подход, позволивший рассмотреть современную КНДР как совокупность взаимосвязанных элементов/подсистем (имеющих свои цели, ресурсы, связь с внешней средой и обратную связь) и одновременно единое целое, взаимодействующее с более широкой внешней средой на разных уровнях.

В ходе исследования авторы опирались на широкий круг официальных документов, заявлений и публикаций КНДР, отечественные и зарубежные аналитические матери-

алы, научные работы, экспертные мнения, доклады и новостные сообщения. Кроме того, во время научных командировок в Пхеньян в 2016 и 2017 гг. авторами были проведены беседы с северокорейскими учёными (экономистами, юристами и историками), что позволило получить информацию из первоисточников по целому ряду аспектов, а также собрать эмпирический материал по теме исследования (ил. 1, 2).

Внутренняя политика молодого лидера

Во внутренней политике руководство КНДР медленно, но верно движется в сторону модернизации политической системы. В структуре руководства страной произошли важные изменения, и Государственный комитет обороны как чрезвычайный орган был заменён более институционализированным Государственным советом. Отметим и большее внимание к функционированию институтов партийного управле-

Ил. 1. Пхеньян, май 2017 г. Фото из личного архива авторов статьи

Ил. 2. Пхеньянский вокзал, май 2017. Фото из личного архива авторов статьи

ния, которые, в отличие от правления Ким Чен Ира, не просто регулярно собираются, а становятся рабочим инструментом государства. Дело не только в том, что «при Ким Чен Ыне руководство стало осуществляться через партийные структуры, а не военную вертикаль» [1], но и в том, что эти структуры начали регулярно собираться – как «традиционные» съезды и пленумы Трудовой партии Кореи (ТПК), так и конференции руководителей низовых партийных организаций.

Система власти была переформатирована под нового лидера, но об ослаблении власти высшего руководителя страны по сравнению с предшественниками говорить нельзя, хотя внешних проявлений культа личности на первом этапе правления Ким Чен Ына оказалось существенно меньше, чем ожидалось. При этом, отмечает российский кореевед Ким Ен Ун, сохранение образа лидера как сакральной фигуры будет и дальше позволять КНДР поддерживать сплочённость общества в условиях санкций и давления внешних сил [2].

С другой стороны, наблюдается определённая модернизация институтов, будь то система органов государственного управ-

ления, устав партии, или, что видно особенно хорошо, уголовный кодекс КНДР, который был приведён в соответствие с современными нормами права и (как минимум, официально) избавлен от таких элементов традиции, как «коллективная ответственность» или «наказание по аналогии» [3].

Модернизация касается и стиля практической работы. Последнее довольно хорошо видно по изменению структуры работы пленумов ЦК ТПК в 2021–2022 гг. Если ранее они проходили в режиме «слушали–постановили», то к началу 2020-х гг. система поменялась: генеральный секретарь ТПК Ким Чен Ын выступает с речью, в которой обрисовывает ситуацию и ставит задачи, после чего члены ЦК разбиваются на рабочие группы, в которых идёт дискуссия по конкретной тематике. По итогам работы этих групп готовится постановление, которое Ким легитимизирует заключительной речью.

Несмотря на отсутствие гласности, перестройка северокорейской административной системы идёт и направлена на повышение качества государственного и партийного аппарата. Ким Чен Ын нередко говорит о недостатках, постоянно требуя от кадров «изменить облик партии» [4], отмечается

большее внимание к внутренним проблемам, включая коррупцию и злоупотребления властью на местах, а также более открытое (по местным меркам) их обсуждение.

Если же говорить об изменениях в идеологии, Ким Чен Ын отошёл от политики «сонгун» («приоритет армии») как знака чрезвычайной ситуации и термина, более ассоциированного с правлением Ким Чен Ира. При этом самоназванием северокорейской идеологии стал «кимирсенизм—кимчениризм». Этот широкий термин, объединяющий все концепции вождей, не означает отказа от идей чучхе (в переводе с корейского языка — «хозяин своего тела») и замены их идеологической составляющей на что-то новое. Чучхе остаётся «душой» [5] северокорейской идеологии, однако подобная смена термина дополнительно подчёркивает роль Ким Ир Сена и Ким Чен Ира и включает в данное понятие не только идеи чучхе, но и методы руководства, так что тезис о движении северокорейской идеологии от марксизма к традиционализму сохраняет свою актуальность [6].

Отсутствие желания Ким Чен Ына строить собственный культ личности, равный двум его предшественникам, нежелание создавать новые «государственные мифы» и иные элементы стиля руководства, включая изменение титулатуры, когда от титулов общего характера уходят в сторону указания реальных должностей и званий, позволяют сделать важный вывод. Если рассматривать власть Ким Чен Ына с точки зрения концепции трёх типов власти по М. Веберу [7], Ким уже не является лидером классического харизматического типа, опирающегося на веру в правителя и его уникальные качества. Его тип правления более похож на рациональный, предполагающий веру в справедливость законов и правомерность действий носителей власти.

Достижения военного строительства

В области военного строительства КНДР стала полноценной ядерной державой. Ей удалось миновать «окно уязвимости», когда

её ядерная программа уже представляла угрозу для США, но ещё могла быть нейтрализована тем или иным способом. В настоящее время ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи прошёл минимальный уровень сдерживания и стремится к надёжному: вероятность успешного ответного удара не только по территории союзников Америки, но и по континентальной территории США существенно возросла.

В правление Ким Чен Ына Северная Корея провела четыре ядерных испытания, имея, по разным данным, от 20 до 60 ядерных зарядов. Но особое внимание следует обратить на совершенствование средств доставки (боевые железнодорожные ракетные комплексы, крылатые ракеты, гиперзвуковой глайдер и др.). КНДР обладает развитым арсеналом как ракет малой дальности, накрывающих территорию «большого» Сеула и способных преодолеть ПРО Южной Кореи, так и межконтинентальных, теоретически способных нанести удар по любой точке континентальной территории США (ил. 3).

Всё это очень сильно снижает вероятность ситуации, при которой противники КНДР решатся на военную акцию против неё. А.З. Жебин ещё в 2017 г. указывал, что «со временем цена силовой акции против КНДР может стать неприемлемо высокой» [8], а в 2022 г. даже известный американский ястреб В. Ча признал, что прогресс ракетно-ядерной программы Северной Кореи движется быстрее, чем модернизация американских систем противоракетной обороны [9]. При этом ядерная доктрина КНДР в целом является доктриной сдерживания, и, несмотря на жёсткую риторику, вероятность военного конфликта на Корейском полуострове, который был бы осознанно инициирован северной стороной, крайне низка.

Можно ли в таких условиях урегулировать ракетно-ядерную проблему Корейского полуострова мирным путём? Как считает А.З. Жебин, этот шанс был, пока продолжался переговорный процесс: шестисторонние переговоры «сохраняли у участников надежды на достижение компромисса, что по-

буждало стороны проявлять известную сдержанность» [8]. Однако нежелание США и их союзников идти даже на минимальные уступки похоронило процесс, а современный уровень эскалации напряжённости сводит вероятность новых многосторонних переговоров к нулю. Для того чтобы у денуклеаризации КНДР появились перспективы, нужны такие изменения в международной обстановке, что их вероятность является даже не гипотетической, а фантастической [10]. В новой ситуации следует прислушаться к позиции российских экспертов о том, что сутью нового витка переговоров должна стать не денуклеаризация, а контроль над вооружениями [11]. КНДР вполне способна выполнять тот же блок обязательств, что и иные ответственные ядерные державы.

Внешние связи Северной Кореи

На международной арене внешнеполитические позиции КНДР можно считать усилившимися, несмотря на введённые в 2016–2017 гг. санкции Совета Безопасности ООН и то, что вследствие пандемии коронавируса иностранный дипломатический корпус в Пхеньяне существенно сократился. Хотя в целом Северная Корея осталась «страной-изгоем», «олимпийское потепление» 2018 г. внесло некоторые изменения в её международный статус. Несмотря на политику «максимального давления» Вашингтона при Д. Трампе, в 2018–2019 гг. состоялась серия встреч между высшими руководителями не только КНДР и РК, но и КНДР и США. Это позволило стране получить определённую передышку, однако надежды на то, что соблюдение добровольного моратория на пуски межконтинентальных баллистических ракет и ядерные испытания изменят уровень санкционного

Ил. 3. Макет ракеты-носителя «Ынха-3», Мангёндэский дворец школьников в Пхеньяне, 1 июня 2017 г. Фото из личного архива авторов статьи

давления, не оправдались. И КНДР вернулась к демонстрациям силы, которые, однако, должны рассматриваться в контексте соразмерных действий США и РК по обострению напряжённости в регионе.

«Олимпийское потепление» продемонстрировало, до какого предела могут развиваться отношения Пхеньяна с Сеулом и Вашингтоном при благоприятной обстановке. Серия саммитов руководителей Севера и Юга, а также подписанные по их итогам документы развили традиции меж-

Ил. 4. Бронзовый бюст Ким Чен Ына, подарок председателя КНР Си Цзиньпина (20 июня 2019 г.).
Источник: Журнал «Корея». 2022. № 1. С. 42

корейского диалога времён Ким Чен Ира. Одновременно вновь стало очевидным, что без отмашки из Вашингтона южнокорейское руководство не может принимать самостоятельные решения по активизации отношений с Пхеньяном. Несмотря на тёплые рукопожатия лидеров КНДР и РК в Пхеньяне, южнокорейскому президенту Мун Чжэ Ину не удалось даже частично ослабить односторонние экономические санкции Сеула в отношении Севера, блокирующие реализацию совместных межкорейских проектов.

Аналогичная ситуация возникла и в отношениях с Вашингтоном. Хотя Д. Трамп в чём-то был «несистемным президентом», три встречи на высшем уровне ещё во времена начала правления Ким Чен Ына казались чем-то немислимим. Киму и Трампу (встречи с американским президентом можно считать самым серьёзным политическим прорывом и результатом стратегии Ким Чен Ына) удалось поставить противо-

стояние на паузу, но со сменой президента США ситуация вернулась в привычное русло, и политику Дж. Байдена в отношении КНДР можно назвать «стратегическим терпением 2.0». В этом контексте и на фоне «новой холодной войны» в начале второго десятилетия правления Ким Чен Ына перспективы диалога Пхеньяна с Сеулом или Вашингтоном выглядят весьма туманными, однако в условиях разворачивающейся гонки вооружений остаётся насущным вопрос о необходимости формирования на Корейском полуострове региональной структуры безопасности, исключить из которой КНДР нельзя.

Несмотря на определённые взлёты и падения в отношениях Северной Кореи и Китая, десятилетие завершилось на риторике «дружбы, скреплённой кровью» (ил. 4). Уровень отношений на конец исследуемого периода позиционировался как традиционная дружба стран и партий, объединённых социалистической идеологией, хотя это не стратегический союз, а скорее, стратегическое партнёрство, обусловленное общими угрозами. Пекин готов оказывать помощь Пхеньяну как важному региональному союзнику, который в отличие от Южной Кореи, поддерживает Пекин по ключевым вопросам. При этом, несмотря на абсолютное доминирование Китая во внешней торговле КНДР, Пхеньян продолжает подчёркивать независимость своей внешней политики и старается сохранить определённый уровень нейтральности.

Отношения КНДР с Российской Федерацией строятся на базе политического реализма, прагматизма и невмешательства во внутренние дела друг друга, несмотря на набор дилемм, связанных с местом России в традиционном миропорядке и её отношением к северокорейским ядерным амбициям. Однако на фоне того, как традиционный миропорядок начал давать трещины, Москва стала оказывать КНДР более активную поддержку, примером чего было наложение вето на новый проект антисеверо-корейской резолюции в Совете Безопасности ООН 26 мая 2022 г.

Ил. 5. Улица Рёмён, Пхеньян, май 2017 г.

КНДР же политически поддерживает Москву в условиях специальной военной операции, будучи одной из немногих стран, признавших присоединение новых территорий к России. При этом северокорейская поддержка российской позиции на международной арене является существенно более открытой, чем китайская. Перспективы дальнейшего развития отношений РФ и КНДР выглядят благоприятно. Россия и Северная Корея являются стратегическими партнёрами, хотя, как и в случае с Пекином, такой альянс обусловлен угрозой со стороны США и коллективного Запада.

Экономическое развитие КНДР при Ким Чен Ыне

За успехи своей ракетно-ядерной программы КНДР пришлось заплатить высокую цену в области экономики. Принятые на уровне Совета Безопасности ООН в 2016–2017 гг. санкции отрезали путь на мировой рынок для 90% экспортных товаров и всех рабочих из КНДР, запрещают импортировать в республику промышленное оборудование и транспортные средства, существенно ограничивают поставки топливных товаров. Из-за рестрикций в финансовой сфере сложности с работой в стране возникли даже у международ-

ных гуманитарных организаций. Однако экономическая система КНДР довольно быстро перестроилась под функционирование в новых условиях. При этом, несмотря на стремление к самообеспеченности и упор на импортозамещение в последние годы, Северная Корея всё ещё объективно нуждается в экономических связях с внешним миром, что позволяет прогнозировать их возобновление в недалёком будущем.

После своего прихода к власти молодой лидер сразу же поставил задачу добиться устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни населения. Для этого государственные ресурсы стали частично перераспределяться в развитие гражданских отраслей экономики, прежде всего связанных с производством продовольствия и предметов повседневного спроса, а также строительством нового жилья (ил. 5). Кроме того, в механизме управления экономикой появились важные новации в виде сокращения числа централизованно планируемых показателей, дальнейшей институционализации ряда рыночных принципов, расширения самостоятельности сельскохозяйственных и промышленных предприятий, включая сферу внешней торговли и совместного предпринимательства с иностранцами. Более того, руководству

Ил. 6. В северокорейском совхозе «Богатырский источник», июнь 2017 г.

страны удалось стабилизировать рыночные цены и курс национальной валюты. Однако о начале реальных рыночных реформ в КНДР зарубежные эксперты могли только мечтать. Сохранявшийся запрет на частное предпринимательство и частную собственность на средства производства, повышение роли Кабинета министров в контроле и управлении экономикой, а также установление 5-летних циклов экономического планирования говорили о желании лидера выстроить механизм стабильного и устойчивого развития страны, но под серьёзным контролем государства.

При этом важным фактором успешности выполнения социально-экономических задач являлось расширение внешних связей, для которого власти также прилагали усилия. КНДР была готова расширять внешнюю торговлю и принимать иностранные инвестиции в новые специальные экономические зоны. Комплекс принятых руководством мер по стимулированию экономического роста на первом этапе позволил добиться увеличения отечественного производства продовольствия и товаров повседневного спроса, улучшить условия жизни населения (по сравнению с предшествовавшим периодом), а также наладить внешние каналы поставок недостающих ресурсов, оборудо-

вания и продуктов. Однако планам Ким Чен Ына по созданию «процветающего государства» не суждено было сбыться так быстро, поскольку развитие ракетно-ядерной программы страны оказалось в прямом противоречии с военно-политическими интересами основных партнёров, которые в 2016–2017 гг. ввели жесточайшие санкции против экономических связей с Северной Кореей.

В результате попытка добиться модернизации экономики и встать на путь устойчивого экономического роста за счёт расширения внешнеэкономических связей была сорвана международными санкциями. А начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавируса вынудила КНДР максимально закрыться от внешних контактов для предотвращения попадания в страну малоизученной вирусной инфекции. «Квазирыночные» реформы, начавшиеся с первых лет пребывания Ким Чен Ына у власти и тесно связанные с внешнеторговым обменом, стали буксовать, а в условиях дефицита внутренних ресурсов государству пришлось усилить административный контроль за их распределением. И к началу второго десятилетия правления молодого лидера КНДР оказалась в довольно сложных экономических условиях, но выход из кажущегося тупика руководство страны продолжает искать

Ил. 7. Внутри Храма науки и техники. Пхеньян, май 2017 г.

в рамках социалистической парадигмы и с опорой на собственные силы.

В условиях международных ограничений на экспорт товаров из КНДР поставки продукции местной промышленности, которую раньше вывозили за рубеж (например морепродукты, каменный уголь и другие виды полезных ископаемых), были в значительной мере переориентированы на внутренний рынок, стимулируя местное производство, в том числе товаров народного потребления. Было увеличено производство удобрений из местного сырья. Ведётся перестройка металлургической и химической промышленности с целью организации их работы только на отечественном сырье. При этом задача создания жидкого топлива из местного каменного угля пока не решена, и нехватка топлива продолжает сдерживать экономическое развитие КНДР. Создание собственной атомной электростанции, о котором говорится уже многие годы, могло бы повысить уровень самообеспеченности экономики Северной Кореи, однако испытать ядерную бомбу оказалось проще, чем наладить использование ядерной энергии в мирных целях.

Обладающая ядерным оружием КНДР по уровню своего социально-экономического развития, если измерять его в ВВП

на душу населения, продолжает находиться на одной ступени с некоторыми наименее развитыми странами Африки, а масштабы «отставания» от Южной Кореи по этому показателю уже превышают 25 раз (согласно южнокорейским оценкам). К северокорейской реальности сам термин «валовый внутренний продукт» можно применять лишь условно, но и некоторые другие показатели свидетельствуют о наличии значительных «резервов» для совершенствования. По данным Всемирной организации здравоохранения на 2019 г., ожидаемая продолжительность жизни граждан КНДР составляла 72,6 года (для сравнения: в России — 73,2 года, в РК — 83,3 года), и по признанию северокорейского правительства в области здравоохранения сохраняется много вызовов, в том числе связанных с нехваткой даже базовых медикаментов, недостаточностью мощностей по производству лекарств и медицинского оборудования.

Проблемы наблюдаются и в сфере обеспечения населения электроэнергией, доступа к чистой питьевой воде и безопасной канализации. Согласно «Добровольному национальному обзору КНДР по реализации Повестки 2030» [12], в 2019 г. лишь 34,6% населения КНДР имели устойчивый доступ к электричеству, 60,9% — имели до-

ступ к безопасной питьевой воде, 47,5% — к надлежащим санитарно-гигиеническим средствам (канализации) (для сравнения: в 2018 г. в России эти показатели составили 100%, 91,5%, 85,8% соответственно). Важнейшей задачей для нынешнего руководства Северной Кореи продолжает оставаться достижение минимального уровня самообеспеченности зерновыми культурами (7 млн т), чем обусловлено особое внимание, которое уделяется модернизации аграрного сектора в рамках реализации экономической пятилетки 2021–2025 (ил. 6).

Руководство КНДР прекрасно понимает невысокий уровень развития страны по сравнению с соседями и старается прилагать усилия для его повышения. Однако очевидно, что экономические интересы для властей стоят на втором месте после необходимости обеспечения безопасности государства. И серьёзных изменений в подобном стратегическом видении не намечается, несмотря на официально провозглашаемый курс сосредоточения всех сил на экономическом строительстве. Причина кажущегося противоречия состоит в том, что для северных корейцев необходимой предпосылкой экономического процветания остаётся государственный суверенитет, обеспечить который позволяет прогресс ракетно-ядерной программы. И если «ценой» этого прогресса является отказ большинства иностранных государств от экономического сотрудничества с Пхеньяном, то северным корейцам придётся вновь преодолевать трудности (ил. 7).

В столь непростых условиях задача обеспечения устойчивого развития страны остаётся ключевой для Ким Чен Ына на второе десятилетие его правления. Однако набор средств для её решения по-прежнему ограничен. В условиях внешних санкций вряд ли стоит ожидать существенного ре-

формирования экономической системы страны и выхода её за пределы «чучхейского социализма». При этом перераспределение части ресурсов в гражданские отрасли экономики с целью повышения уровня жизни населения, вероятно, продолжится.

Заключение

Подводя итог, важно отметить, что на современном этапе базовые цели всех основных государственных подсистем (военной, политической, экономической) подчинены задаче поддержания стабильности действующей системы управления страной, поскольку именно в этом руководству КНДР видится залог физического выживания государства (особенно в условиях санкций и пандемии). При этом серьёзным вызовом для экономической подсистемы является нехватка внутренних ресурсов для достижения экономического роста и повышения уровня жизни населения, что является одним из приоритетов нынешнего северокорейского лидера.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе можно довольно высоко оценивать степень устойчивости КНДР в её нынешнем виде за счёт сочетания внутренних и внешних факторов. Ядерное оружие играет роль сдерживающего фактора в отношении внешней угрозы. Внутренние риски пока что также удаётся держать под контролем. Глобальное противостояние Пекина и Вашингтона повышает стратегическую значимость Северной Кореи для Китая как буфера и требует поддержания её стабильности. В таком контексте сотрудничество с КНР может позволить КНДР компенсировать нехватку внутренних ресурсов и поддерживать приемлемый уровень экономического развития без проведения рискованных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение, 2021.
2. Ким Ен Ун. Тенденции развития государственности в КНДР и РК // КНДР и РК — 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 60–73.

3. Ковш А.В. Уголовный кодекс КНДР: теоретический анализ // Корея и Россия: общество, политика, история, культура: К 120-летию корееведения в С.-Петербургском государственном университете. Гл. 4. С. 126–131.
4. Мальцева О.П. Некоторые особенности стратегического курса Ким Чен Ына // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 41–47.
5. О Трудовой партии Кореи. Издательство литературы на иностранных языках, Корея, Пхеньян. 105 чучхе (2016).
6. Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006.
7. Вебер М. Типы господства. // Личность. Культура. Общество. Вып. 1 (40). 2008. С. 31–47.
8. Жебин А.З. Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 2–9.
9. N.K. nuke missile progress outpacing U.S. missile defense modernization: U.S. expert // Yonhap news. 03.08.2022. URL: <https://en.yona.co.kr/view/AEN20220803008400325?section=news> (дата обращения: 03.03.2023).
10. Асмолов К.В. Нет перспективы денуклеаризации КНДР // РСМД, 20.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/> (дата обращения: 03.03.2023).
11. Жебин А.З. Корейский полуостров: от денуклеаризации к контролю над вооружениями // Современные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 14–23.
12. Government of the Democratic People's Republic of Korea. Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review On the Implementation of the 2030 Agenda. 2021. Annex II. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

DPRK under Kim Jong-un: Key Results of the First Decade (2012–2021)

Liudmila Vladimirovna Zakharova – Candidate of Science (Economy), Academic Secretary of the Institute of China and Contemporary Asia (ICCA) RAS, leading researcher at the Center for Korean Studies ICCA RAS, head of the project 'DPRK in the Kim Jong-un Era in the Shifting Regional Order in Asia and Russian National Interests' (20-014-00020).

E-mail: zakharova@iccaras.ru

Konstantin Valerianovich Asmolov – Candidate of Science (History), leading researcher at the Center for Korean Studies ICCA RAS, executor of the same project.

E-mail: asmolov@iccaras.ru

The article examines the main trends and results of the political, military and economic development of the DPRK in the first decade under the young leader Kim Jong-un. It shows that the state and party administration system has been gradually reshaped under the new leader, whose power has not diminished in comparison with his predecessors. Despite the lack of publicity, the reorganization of the North Korean administrative system has been progressing and was aimed at improving the quality of the state machinery and the party apparatus. The authors review the results of the country's progress in the nuclear missile field. Given the development of the delivery systems, the nuclear missile potential of North Korea has gone past the minimum level of containing potential enemies and aims for reliability: chances of a successful retaliatory strike not only in the territory of allied America, but also in the continental territory of the USA have significantly increased. The paper highlights the main trends of strengthening the DPRK's international positions in this period, as well as the remaining problems of the nuclear problem of North Korea.

The authors analyse the main directions of Kim Jong-un's economic policy and the key challenges to the country's economic development. The attempt to modernize the economy and em-

bark on the path of sustainable growth through the expansion of foreign economic relations was disrupted by international sanctions. The 'quasi-market' reforms that began in the early years of Kim Jong-un's rule and were closely connected with foreign trade exchange became sluggish, and the state strengthened administrative control over their allocation amid the shortage of domestic resources.

It is concluded that the main goals of the DPRK's main state sub-systems (military, politics, economy) are subject to the task of maintaining the stability of the current management system of the country, as this is seen by the leader as a guarantee of the physical survival of the state.

Keywords: North Korea, DPRK, Kim Jong-un, DPRK domestic politics, DPRK economy, DPRK missile program, sanctions, DPRK international politics

REFERENCES

1. Torkunov A.V., Toloraya G.D., D'yachkov I.V. *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)*. M.: Prosveshchenie, 2021 (in Russian).
2. Kim En Un. *Tendentsii razvitiya gosudarstvennosti v KNDR i RK // KNDR i RK — 70 let*. M.: IDV RAN, 2018. S. 60–73 (in Russian).
3. Kovsh A.V. *Ugolovnyi kodeks KNDR: teoreticheskii analiz // Koreya i Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya, kul'tura: K 120-letiyu koreevedeniya v S.-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*. Gl. 4. S. 126–131 (in Russian).
4. Mal'tseva O.P. *Nekotorye osobennosti strategicheskogo kursa Kim Chen Yna // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 2017. T. 3. № 1. S. 41–47 (in Russian).
5. *O Trudovoi partii Korei*. Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, Koreya, Pkhen'yan. 105 chuchkhe (2016) (in Russian).
6. Zhebin A.Z. *Evolyutsiya politicheskoi sistemy KNDR v usloviyakh global'nykh peremen*. M.: Russkaya panorama, 2006 (in Russian).
7. Veber M. *Tipy gospodstva. // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vyp. 1 (40). 2008. S. 31–47 (in Russian).
8. Zhebin A.Z. *Severnaya Koreya: bomby, rakety, sanktsii // Aziya i Afrika segodnya*. 2017. № 1. S. 2–9 (in Russian).
9. N.K. *nuke missile progress outpacing U.S. missile defense modernization: U.S. expert // Yonhap news*. 03.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220803008400325?section=news> (data obrashcheniya: 03.03.2023).
10. Asmolov K.V. *Net perspektivy denuklearizatsii KNDR // RSMD*, 20.04.2021. URL: <https://rusiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/> (data obrashcheniya: 03.03.2023) (in Russian).
11. Zhebin A.Z. *Koreiskii poluostrov: ot denuklearizatsii k kontrolyu nad vooruzheniyami // Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova*. M.: IDV RAN, 2021. S. 14–23 (in Russian).
12. Government of the Democratic People's Republic of Korea. *Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review On the Implementation of the 2030 Agenda*. 2021. Annex II. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (data obrashcheniya: 03.03.2023).